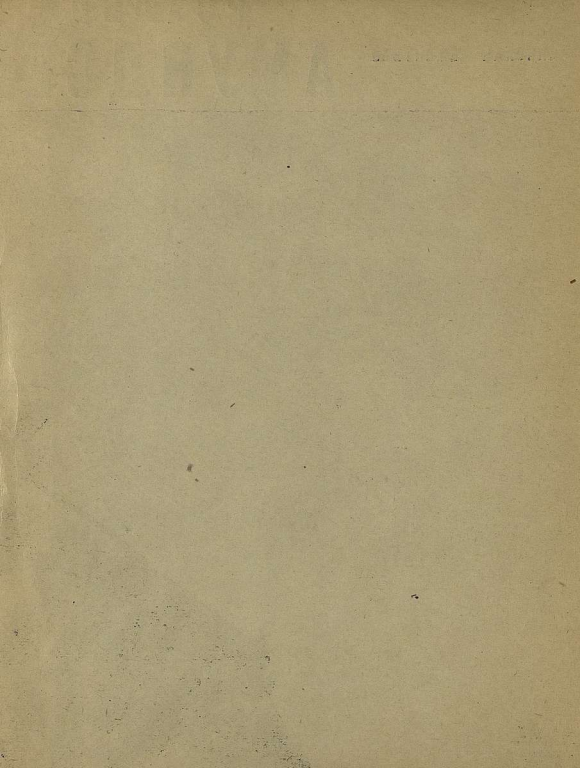

НИКОЛАЙ ДЕМЕНТЬЕВ

РОАЛЬД АМУНДСЕН

ОЗУЗ
молодая
гвардия

Николай Дементьев

Д 302

Роальд Амундсен

Рисунки

 Н. Шифрина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮНОШЕСКОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОГИЗ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1931

Р Е Б Я Т А !

Напишите свое мнение об этой книжке в Государственное издательство детской и юношеской литературы „Молодая гвардия“.

Письма можно посылать без марок.

Наш адрес: Москва, Новая площ. 6/8.
„Молодая гвардия“.

4255974

645440 Кх. ред.

Российская государственная
детская библиотека

М. Г. № 738

11½ п. л.

д-7

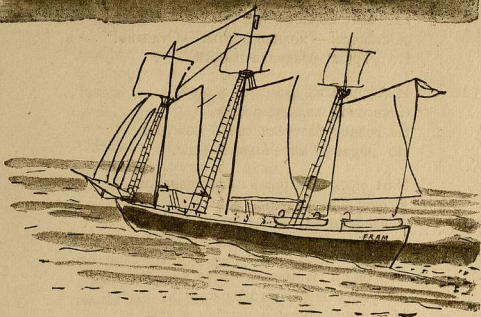
Уполн. Главл. Б-4095

Тираж 20.000

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18

н. 6984

I. ОТКРЫТИЕ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

Широкую грудь подставляя ветрам,
Привычный к дыханию выюг,
Норвежский корабль по имени „Фрам“
В июне уплыл на юг.

Ночь травами пахла и дул ветерок
С сырых и распаренных гор.
„Останьтесь!“ — огнями манил городок,
Но четко работал мотор.

Большие порты миновали они,
Где мачт корабельных леса.
„Останься! — молили порты. — Отдохни!“
Но „Фрам“ раздувал паруса.

И Африка их зазывала жарой.
Кокосовой пальмы плоды
На солнце блестели своей кожурой,
Но „Фраму“ мерещились льды.

Пять месяцев штилей и бурь напролет, —
И океан перейден.
Январским рассветом увидели: лед
Подковой обнял горизонт.

Что было! Завыли гренландские псы,
Почуяв в шерсти холодок.
Норвежцы крутили улыбку в усы,
Ходили, не чувствуя ног.

Им Север знаком, как крестьянину дом,
Как машинисту мотор.
Но к Южному полюсу напролом,
Кто смелый ходил до сих пор?

В то поле, где в полюс собралась земля,
Никто не ступал как-будто,
Норвежцы испытанный нос корабля
Заводят в Китовью бухту.

Бухта длинна и чиста ото льда,
И берег широкий и ровный.

Они выгружают собак, шоколад
И длинные черные бревна.

Зимуют. Построили дом. Что ни день,
Из проруби скачет неловко
Дурашливый темнозеленый тюлень —
Громадина с легкой головкой.

А дальше, по Ледяному Плато —
Грудь белая, черные спины,
Как карлики в куцах внакидку пальто,
Вразвалку гуляют пингины.

К норвежцам подходят вплотную почти,
Как мальчик примерный к мамаше,
Поклоны отвешивают по пути,
Короткими крыльями машут.

Бывает и так — ни за что ни про что
Разгневаются, подерутся...
На лапчатых лыжах любил по Плато
Часами бегать Амундсен.

Высокий мужчина — усы в седине.
Все знают, какой он мастер
Бродить по еще не открытой стране,
Следы проминая в насте.

Он строит из снега за знаками знак;
Здесь будут провизии склады.
Уверенно он дрессирует собак,
И те его слушаться рады.

В зимовье он лучший товарищ и друг:
„Ну, как поработали, Вистинг?
Убили двух ведделей¹? Браво! За двух
Согрейтесь стаканчиком виски“.

Пять месяцев было в зимовьи темно.
Норвежцы по солнцу скучали ...
Но стало светлеть, и однажды оно
Их домик согрело лучами.

Все вышли наружу, все шурят глаза.
„Как лыжи? Готовы ли сани?
Собаки? Палатки? Еда? Примуса?“
Псы рады. Что сделалось с псами!

Амундсен кидает тюленину им,
Сцепившимся в радостной драке.
„Жирейте, собаки! На-днях побежим
На полюс. На полюс, собаки!“

Пять мужчин снаряжены,
Пятьдесят собак в упряжке,
Мехом лоснятся штаны,
Серебром сверкают пряжки.

„Отправляться в путь пора!
Не забудьте нас“.
Свистнул бич, и двести лап
Накололи наст.

¹ Веддель — тюлень.

Чуть постромки не порвав,
К югу полетели.
Едут день и едут два,
Едут две недели.

Мчатся псы, как волки злы,
Вдаль, в равнины синие.
Груди псинные белы
От сосуллек с инеем.

И тут начинается с полюсом бой,
Отважная битва пяти смельчаков.
Упорствует полюс. Он выставил строй
Высоких и острых, как нож, ледников.

Пятидесятиградусный выслал мороз,
Отвесными скалами путь преградил...
Норвежцы упрямы. На скользкий утес
Амундсен три раза всходил и сходил.

Тянули с собаками сани. От тел
Шел пар. Сквозь одежды их пот проступил
И инеем стал. А мороз свирепел,
Смерзался в термометрах в шарики спирт.

Но полюс не сдавался
И путников капканил.
Огромные расселины
Подсовывал под сани.

И сани вниз обвисли
У пропасти над краем.

Собаки зазвенели
Горячим смертным лаем.

Вз'ерошенная стайка,
Визжа, за жизнь боролась.
Тут подбежал Амундсен
И сжал руками полоз.

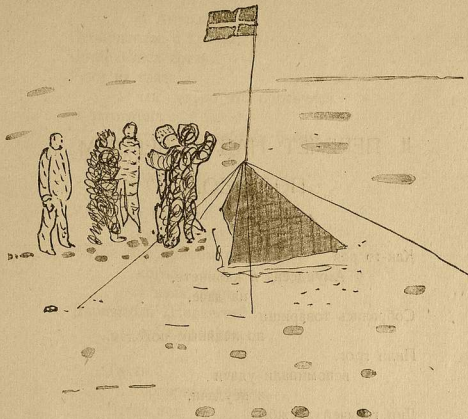
Надулись, посинели,
На лбу, на шее жилы.
„Мы не отступим, полюс,
Пока сильны и живы“.

Тяжело карабкаться, взбираться,
Лед потрескан.
Началась метель, и лезет драться
Ветер резкий.

Тяжело вслепую лезть на горы,
С гор не легче.
Дохнут псы, и мясом сдохшим кормят
Уцелевших.

Ни черта! Ни перед чем их спины
Не согнутся.
Бодро по провалам и равнинам,
Вел Амундсен.

Он ходил широкими шагами,
Хлопал лыжами,
Отдавал команду в урагане
И привел в загишье.

ПИСЬМО АМУНДСЕНА

Четырнадцатого декабря
Тысяча девятьсот
Одиннадцатого года
Стояла ясная
И яркая погода.
Мороз был невелик,

Дул тихий ветер с юга.
Мы к полюсу пришли
И обняли друг друга,
И водрузили флаг.
Пора домой вернуться.
Здоровы и бодры.

„Вперед“

Роальд Амундсен.

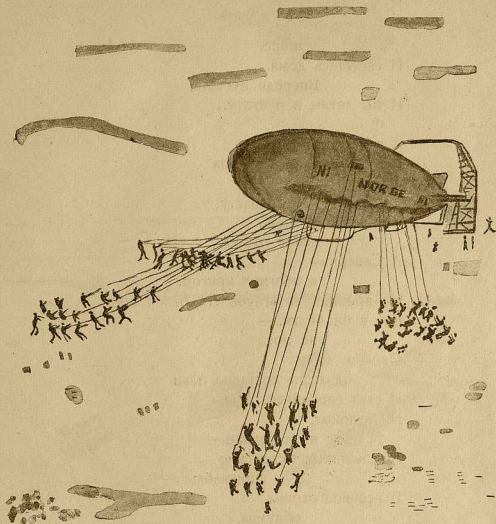
II. ПЕРЕЛЕТ НАД СЕВЕРНЫМ ПОЛЮСОМ

Как-то раз
у Амундсена в кабинете,
на даче,
Собрались товарищи
по ледяным походам.
Пили грог,
вспоминали удачи
и неудачи,
Дни горячей дружбы,
скрепленной полярным холодом.
И подшучивали
друг над другом,
Изредка боксировали,
руша мебель в комнате.
А потом опять
садились тесным кругом:
„Помните вот это?
А вот это помните?“
... „Как же, как же, помню!“

И Амундсен
Приподнялся с кресел,
Посерьезнел сразу,
Руки на глаза, —
 как только что проснулся.
И заговорил
 густым и добрым басом:
„Да, друзья,
 Амундсен
 стал стар!
Много он из'ездил мест,
 судя по карте.
Нынче мне припомнился день,
 когда
 взял старт
Дирижабль „Норвегия“
 в Свальбарде.

Тихая
 полярная весна.
Ветра нет,
 а берег снегом ярок,
Люди,
 пробужденные от сна,
Топчутся
 в сугробах
 у ангара.
Там за парусиной,
 как гора,
Величавый
 и, как тучка, легкий.

„Эн один
Норвегия“ —
корабль
Спит,
готовясь в перелет далекий.
Ну, пора!
Всем корпусом дрожа,
Из ворот,
как рыба из сетей,
Длинотелый выполз дирижабль
И приготавливается лететь.
Двигаются
лопасти хвоста,
Лоснится
надутая холстина
И растараторились
в три рта
три мотора
в облаке бензина.
Мы вошли в кабину:
я, Омдаль,
Эльсворт,
Нобиле
и Риссер-Ларсен.
Крикнул кто-то вниз:
„Канат отдай“.
Дирижабль взлетел
и закачался,
Устремился ввысь
путем намеченным,

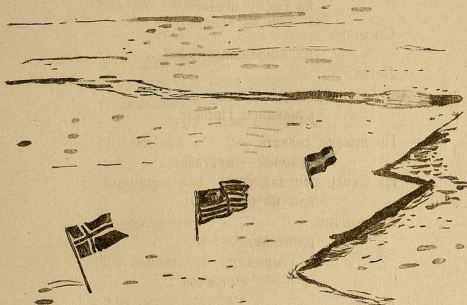
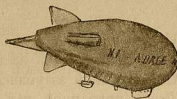
Отогнувши вниз
рули большие...
Люди, что внизу,
уменьшились,

Небо
 стало
 шире.
И скрылись дома.
 Впереди пустота,
И мы летим в пустоту...

Я в детстве бывало
 часами мечтал
Открыть оба полюса,
 как подрасту.
Был Южный мною
 давно открыт,
А Северный
 я обогнул кругом.
Но проникнуть вглубь его белой норы,
Как я ни бился, —
 не мог.

Однако
 однажды составил план
И стал спокойней, реша:
Ни ледокол,
 ни аэроплан —
Помощником будет мне
 дирижабль.

Я все подготовил,
 обдумал,
 припас,
Отборных
 собрал
 людей.

И вот ... одетый холстиной каркас
Бесшумно и нежно
приподнял нас
В подбрюшной своей ладье

675440

И полюс,
 шедший на нас войной
Своей волной затуманенной,
Лежит подо мной, как насмерть раненый
Моим кораблем
 и мной.

Теперь я состарился,
 и не мне летать...
Какие-то будут
 на смену новые?..

Со мною
 на завоевание льда
Летал,
 например
 итальянец Нобиле.

По правде сказать, —
 человек — пустячок,
На Север отправился,
 как на прогулку:
Костюмчик,
 шинелька,
 мундир,
 коньячок...

А мы...
 экономили лишнюю булку.
Мы все рассчитали,
 и этот расчет
Довел дирижабль
 к берегам Аляски

Без всяких аварий,
как в детской коляске...
А Нобиле, вновь полетел, дурачок;
Он дело погубит.
Ретив и безус,
Невежда,
заносчив
и самонадеян.
Один полетел в холода.
Я боюсь
Как бы глупостей там
генерал не наделал!

Амундсен замолк.
Со всех сторон
Послышался говор,
но тише и глуше.
Подали чай.
Зазвонил телефон.
Амундсен взял трубку
и стал слушать.
Говор возрос.
Он свое нагонял
Со скоростью
срочного поезда.
Амундсен поднялся.
„Ну, так я и знал,
Авария с Нобиле,
еду на поиски!“

III. ГИБЕЛЬ АМУНДСЕНА

Кричали мальчишки во всех городах,
Распродавая газеты:

„Экспедиция Нобиле гибнет во льдах!
Никаких известий о Нобиле нету!“

Кричали мальчишки, шумной гурьбой
Рассыпаясь в уличном гаме:

„На помощь

на аэроплане „Латаме“

Полетели Амундсен и летчик Гильбо“.

И новая весть в городах шумит,
Как веснами воды талые:

„Советский радиолюбитель Шмидт
Поймал сигналы с „Италии“:

„Спасите наши души!—

они кричат,—

Дирижабль обледенел,

гондолу раздробило“.

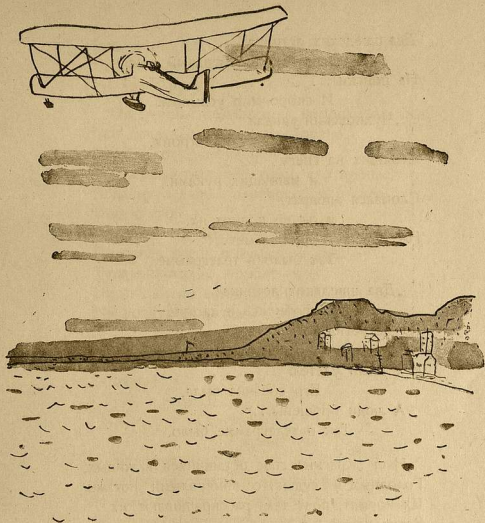
„У нас нет кораблей.—

Ответ от англичан.—

И денег тоже нет.“ —

Так в телеграмме было.

И только СССР откликнулся помочь.

С Архангельска пошел на всех парах
„Малыгин“
Туда, где холода, где скоро будет ночь,
Навстречу бурям, по тяжелым глыбам.
Но мало этого: из Ленинграда—тож
Широкогрудый „Красин“ в море вышел.

Два шведских летчика
 ввинтились в мерзлый дождь
На поиски ...
 И скоро мир услышал:
 „Чухновский увидал
 двоих или троих,
Стоящих на снегу
 и машущих руками.
Сломался аппарат,
 и он не поднял их,
Но „Красин“ их возьмет...“
 Так было в телеграмме.

„Два шведских летчика
 пробились в лагерь.
Их встретил Нобиле,
 белей бумаги,
И с ними улетел.
 Его собачка выла,
А люди брошены...“
 Так в телеграмме было.

„Наш „Красин“ спас оставшихся в живых,
Голодных и худых, с обмерзлыми ногами.
Их кормят, поят там, расспрашивают их,
Везут домой...“
 Так было в телеграмме.

А где же Амундсен и летчик Гильбо
 На аэроплане „Латаме“?
Их с'ел океан от туманов рябой,
Или раскромсаны льдами?

Иль снизились мирно на гладком плато?
Где старый Амундсен?
Не знает никто.

Он первый помчался на помощь; он знал,
Что смерть стережет его грозно,
Хотя и состарился он и устал,
Он первый товарищ тому, кто пропал
В плену ледяных плоскогорий и скал.
Ищите его!

Но поздно...
Полярная осень в тумане и льде—
Туда никому не пробиться—
Ни людям по затвердевшей воде,
Ни воздухом мутным птице.

Навеки их полюс от нас отобрал...
Но стонут в осеннюю сырость:
„Роальд!

Роальд!

Где ты!

Роальд“!

Радиостанции мира.
Ни слова в ответ из морозной пурги,
И крики смолкают один за другим.
И плачет, как девочка, не по летам
Высокая, стройная, взрослая:

„Латам“!

„Латам“!

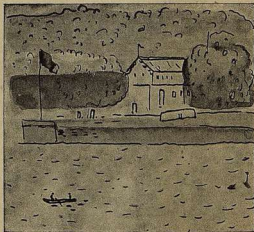
Где ты,

„Латам“!

Радиостанция в Осло.

IV. ЭПИЛОГ

Однажды путешественник
мирно проплывал
На лодке
 мимо домика над фиордом.
Вдруг лодочник-норвежец
 с затылка шапку снял,
В поклоне опустив на грудь
 большую бороду.
Путешественнику Норвегия —
 неизвестная земля...
Он полюбопытствовал:
 „Неправда ль
Вы поклонились дому короля?“
„Нет!
 Дому старика Роальда“.

Лрес. 1989

607

